

Школе ЙОМ РИШОН 25 лет

Иосиф Гин

Через школу осуществлялась связь с Посольством Государства Израиль в Москве, так как школа находилась под эгидой Израильского фонда культуры и просвещения в диаспоре, снабжавшего учебными пособиями, приславшего педагогов, устраивавшего семинары для будущих учителей на местах. Это было время большого эмоционального подъема еврейского самосознания, освобождения, загнанной советской властью

Начался новый учебный год в еврейской воскресной школе «ЙОМ РИШОН». Это уже двадцать шестой год ее существования после того, как 4 октября 1992 года Галина Резник, основатель школы, нажала на звонок и пригласила учеников - детей и взрослых - пройти на второй этаж Школы-лицея No 40 для торжественного ее открытия. 25 лет - приличный срок для того, чтобы понять то особое значение школы в возрождении, становлении и развитии еврейской общины Петрозаводска. Сейчас в школу уже приходят дети тех, кто тогда начинал этот путь к еврейским знаниям. Школа в то время была единственным местом, где можно было получить информацию о еврейской культуре, истории, еврейской идентичности. Люди открывали для себя новые горизонты, протягивали ниточки, связывающие их с предками, начинали осознавать себя частью великой древней культуры. Начиналась алия. Многие тогдашние ученики сейчас живут в Израиле, США, Швеции, Германии, Канаде, Финляндии, но помнят свои первые роб-

кие шаги в огромный мир еврейской цивилизации. В школе в разное время преподавались иврит, история, традиция, ТАНАХ, музыка, танцы, театр, английский - школа искала свои пути развития. Педагоги школы: Анатолий Резник, Александр Рабинович, Юрий Рыбак, Олег Луховицкий, Нора Фридман, Алексей Хаскин, Маргарита Смальговская - иврит; Ася Гликсон, Наталия Цвибель, Наталья Волкова, Людмила Гринберг - традиция; Наталия Цвибель, Михаил Гольденберг, Евгений Лившиц - история; Иосиф Гин - ТАНАХ; Генриетта Гехт - английский; Маргарита Матюхина, Елена Цукер, Людмила Гринберг - музыка; Наталья Кузьменко, Ирина Новик - танец; Людмила Новопольцева - художественное творчество; Алиса Тарутина - театр. Каждый преподаватель вносил свою лепту, вкладывал свой «камушек» в мозаичное панно еврейской жизни города. Первым директором и идейным вдохновителем школы была Галина Резник - она и заложила тот фундамент, на котором стоит наша школа до настоящего времени. Следующие директора школы - Наталия Цвибель (именно она дала школе название «Йом Ришон» - «День первый»), Александр Зайденберг, Дмитрий Цвибель - продолжили начатое дело, приспособив процесс учебы к меняющимся обстоятельствам. Праздники, проводимые в период становления школы, проходили весело и шумно, и надолго запомнились их «аромат» - все это способствовало укреплению престижа школы, привлечению новых учеников. Это и было тем, что называется «неформальным образованием». Нина Карамышева и Фаня Цукарева обеспечивали пропитание всей этой шумной ораве. Для проведения праздников требовались определенные затраты, и всегда находились люди, готовые помочь: это Петр Лешберг, Леонид Ратнер, Анатолий Доспехов, Григорий Ицковский, Александр Ткаченко и многие другие, кому школа очень благодарна. Особая роль в жизни школы принадлежит Ронни Коренблюм (Ronni Corenblum, ЗИХРОНА ЛЕ ВРАХА) и Эльвину Коренблюму (Alvin Corenblum), которые посетили школу в 1999 году и взяли на себя часть ее финансирования. 31 января 2005 года за выдающийся вклад в дело возрождения и развития Петрозаводской еврейской религиозной общины Эльвин Коренблюм и Ронни Коренблюм избираются Почетными членами общины. Школа продолжает жить, и хочется пожелать ее ученикам и педагогам дерзаний и свершений, удовольствия от самого учебного процесса! Будем помнить девиз школы:

Нина Карамышева

«Если не выдержишь муки учения, будешь терпеть муки невежества».

Пурим 2002

Ронни Коренблюм

Ханука

Дети школы 2017

Людмила Гринберг

Марк Розовский: Даже под пытками отец не признал вину

Марку Розовскому было девять месяцев, когда его отца впервые арестовали. Познакомился с папой он только в десять лет.

В этом году на сцене Театра «У Никитских ворот» Марк Григорьевич поставил спектакль «Папа, мама, я и Сталин» по своей одноименной книге воспоминаний.

- Многие зрители сказали после премьеры: «Какой смелый спектакль!» Но... Книгу написал не для того, чтобы бороться с кем-то, нет, - признается Розовский.

- Вообще никогда не борюсь, просто в меру своих сил я пытаюсь быть честным. Не смелым, а именно честным. Беда, если обыкновенная честность считается смелостью.

У меня есть своя позиция, о которой могу открыто сказать. И так должен поступать любой гражданин. А художник тем более обязан говорить правду.

В книге и в спектакле я рассказываю частную историю, историю моих родителей. Но таких трагедий - миллионы.

Лет десять назад Марк Розовский узнал, что имеет право побывать в архивах КГБ, чтобы изучить дело своего репрессированного папы - Семена Михайловича Шлиндмана.

Дело No P-3250 большое - целых четыре многостраничных тома. В течение двух месяцев режиссер ежедневно ходил в читальный зал архива на Кузнецком Мосту как на работу.

- Я вчитывался в протоколы, в тексты обвинений, в какие-то справки, в жалобы, которые папа подавал, и испытывал такое волнение, что не передать обычными словами.

С новой силой нахлынули детские воспоминания, и слезы, и гордость за отца. Под пытками, избиениями он же так и не признал себя виновным!

Некоторые страницы в «Деле» были запакованы в бумагу и запечатаны сургучом. То есть до сих пор их читать нельзя.

Полагаю, именно там скрыты доносы на папу, а также протоколы физического насилия.

- Марк Григорьевич, так в чем же его обвинили?

- В чем тогда обвиняли большинство людей, - антисоветская правотроцкистская деятельность. Папа был обычным инженером-строителем, честно делал свое дело и никогда не занимался политикой. Но... 37-й год - это мясорубка нашей истории, в которую мог попасть каждый. Так отца без суда и следствия приговорили к расстрелу.

Но, удивительно, потом этот приговор заменили на восемь лет тюрьмы. Правда, отсидел он тогда почему-то все десять.

- Почему не расстреляли?

- Думаю, потому, что он с пеной у рта доказывал свою правоту. Никого не сдал и не подписал обвинений в свой адрес.

Позже папа о своем следователе даже хорошо отзывался. Да, тот его лупил, но, видимо, все-таки услышал.

- Когда отец был в лагере, мама говорила вам, что он воюет на фронте. Боялась сказать правду?

- Таким образом защищала меня, естественное родительское желание. Конечно, и она, и моя бабушка, и папа, - все понимали, что такое Сталин.

Палач своего народа, убийца, преступник! Но страх, им распространяемый, жил в людях, поэтому старались о том, что происходит, не говорить.

Терпеть и молчать - казалось, только это спасет.

- Вы увидели папу в десятилетнем возрасте. Помните эту встречу?

- Конечно. Он пришел к нам в коммунальную квартиру поздней ночью. Ведь после лагерей ему нельзя было жить и даже появляться в Москве.

Был такой закон для выживших: «Без ста городов». Папа обосновался под Тулой и тайком приехал к нам. Это было очень рискованно, ведь могли донести соседи, например.

Поначалу я был осторожен в общении с ним, ведь не знал же его. Потом за несколько дней, что нелегально жил у нас отец, я привык.

Помню, как обрадовался, что мы пошли с ним в мужскую баню. До тех пор я мылся с мамой в женском отделении. А мне уже десять лет, стеснялся.

И папа сказал: «Что же вы с ребенком делаете?!»

30 октября - День памяти жертв политических репрессий в СССР

- Почему мама отказалась переехать к мужу под Тулу?

- Они очень любили друг друга. Но, понимаете, мама понимала, что, уехав туда, потеряет московскую площадь, да и я учился в Гнесинке - музыкальной школе, которую пришлось потом бросить. Отец уехал один, а через четыре месяца его... снова забрали! Это была вторая волна арестов.

Кончилась война, Сталин начал еще больше «закручивать гайки». Всех отсидевших опять начали отправлять в тюрьмы и ссылки, чтобы избежать каких-то ожидаемых протестов и заговоров. Режим боялся свободы своих граждан.

Кстати, когда во второй раз забрали папу, у мамы рухнули все надежды. Ведь думали: разобрались, отца выпустили, наконец-то будет светлое будущее.

И вот... Отца тогда сослали еще на восемь лет. В ссылке у него появилась другая семья.

- Не из-за мести ли ваша мама, которая ждала мужа всю его первую тюрьму, вышла замуж и дала вам фамилию Розовский и отчество Григорьевич?

- Это был фиктивный брак. Мне надо было получать паспорт. И, чтобы за мной не тянулся этот шлейф - сына «врага народа», мама и вышла замуж за своего сослуживца Григория Розовского. Но там, кроме дружеских, никаких отношений не было, только фиктивный союз.

«Из людей делают чернь»

- В вашем спектакле, когда мама узнает о смерти Сталина, она спокойно сказала: «Сдох». Что вам вспоминается из тех дней?

- Конечно, люди дракались, но в нашей семье к этой смерти отнеслись по-другому. А я с друзьями дважды (!) побывал на панихиде в Колонном зале Дома союзов.

Ведь мы жили в центре - между Петровкой и Трубной, и я знал, как к Колонному залу проникнуть по крышам, через заборы, по дворам тайными городскими тропами.

Поэтому и не попал в ту давку, где погибли сотни людей. Мне, как мальчишке, было интересно посмотреть на Сталина. Пусть и мертвого.

- Вашего отца выпустили после смерти Сталина, полностью реабилитировали. Вы с ним потом встречались?

- Конечно, мы общались. Он снова поселился под Тулой, женился. Однажды, году в 65-м, я спросил отца: «Скажи, почему ТАМ, где столько людей погибли, ты остался живым?» И он ответил горькой шуткой: «Когда все умерли, меня попросили остаться». Но я-то знал почему. В письмах, которые мы редко получали, прямо, не между строк, содержится объяснение: потому что верил в свою невиновность... Любимый человек, попадавший в эту мясорубку, оказывался абсолютно беззащитным.

Любой! Кого-то пытали больше, кого-то меньше. И все это по личному указанию Сталина и его сподвижников!

- Марк Григорьевич, почему же сегодня Сталина называют «эффективным менеджером», а некоторые уверяют, что «не так много людей расстреляли в годы репрессий»? И что он якобы «ничего не знал»...

- А как же быть с 362 списками, подписанными лично товарищем Сталиным, с резолюцией «Расстрелять!»? Действительно, есть сегодня причины поддержки не столько Сталина, сколько сталинщины, - последствия «культы личности», которые мы и переживаем по сей день - это бедность половины сегодняшнего населения, произвол чиновников, нескончаемые несправедливости, тихое недовольство масс олигархами, войнами и так далее. А со Сталиным абсолютно все ясно, опубликовано огромное количество материалов, доказывающих те неоспоримые преступления, которые он натворил. Оспаривать это, - все равно, что защищать Гитлера, например. Поэтому те, кто поддерживает преступника, являются сами преступниками.

Надо очень ненавидеть свою Родину, демократию, свободу, чтобы говорить, мол, Сталин был полезным человеком.

Всенародную трагедию нельзя оправдать, как нельзя оправдать антихриста. За это ответственна власть, которая не занимается воспитанием в людях добра, милосердия, а напускает на народные массы всю эту ложь. Поэтому сегодня таких огромных размеров позорная про сталинская пропаганда, и пруд пруди наших маленьких «геббельсов», холуев и прислужников лжи. Они могут болтать все что угодно, и это власти, повторюсь, выгодно, ибо легче манипулировать теми, кто не хочет знать правды.

Находятся прохановы, зюгановы, которые лепят нам образ «хорошего» злодея, вешают лапшу на уши. Помню, мы с Прохановым спорили в программе «Поединок» и, конечно, я проиграл. Но... Собственными глазами видел перед съемками, как операторы подкручивают голоса на счетчике...

Руль истории сознательно крутят назад, чтобы сделать из общества - чернь, которую легко обмануть, зомбировать.

И этот аморализм системы преступен вдвойне. Потому что толкает нас в кровавое прошлое.

ВЕХИ ЖИЗНИ СЕМЬИ НАППЕЛЬБАУМ

Моисей Наппельбаум

Между оставшимися в прошлом Серебряным веком русской культуры и нашим временем существуют многочисленные мостики, связывающие столь непохожие друг на друга эпохи. Это не только литературные и художественные произведения, памятники архитектуры, сохранившиеся артефакты, но и люди, через которых, как кажется, дышит и говорит само время. Одно из таких связующих звеньев - Екатерина Михайловна Царенкова, внучка легендарного российского фотографа Моисея Соломоновича Наппельбаума, и дочь прекрасной и загадочной поэтессы Иды Наппельбаум, автора сборников стихотворений и книги воспоминаний.

Судьба «патриарха» этой необычной семьи М.С. Наппельбаума удивительна: на протяжении всей жизни уникальный фотограф развивал жанр портрета, постоянно совершенствуя свое мастерство. Именно ему довелось запечатлеть для истории всех наиболее

значимых деятелей российской культуры, науки, а также ведущих политиков, включая В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, А.В. Луначарского, И.В. Сталина и многих других. Фотограф-новатор, Наппельбаум никогда не снимал «по шаблону», долгие годы он посвятил поиску собственного стиля «светописи», уделяя особое внимание психологическим аспектам творчества, концептуальной разработке фотографии как особого вида искусства.

Е.М. Царенкова - инженер по профессии, проживает в Гамбурге (Германия), но часто бывает в России, бережно сохраняет и передает память о родных, публикует их воспоминания, занимается генеалогией. С ней мне удалось побеседовать и задать несколько вопросов о жизни удивительной семьи Наппельбаум.

- Екатерина Михайловна, расскажите, пожалуйста, о семье Моисея Наппельбаума.

- Дед (Мовша Елья Наппельбаум) родился в большой еврейской семье в Минске. Война забрала жизни троих его братьев: один был расстрелян немцами вместе с близкими, другой умер в Москве от болезни, третий погиб во время блокады Ленинграда. Две сестры Моисея Наппельбаума переехали в Москву, обе занимались музыкой. Семья была абсолютно светская, никакого еврейского религиозного образования и воспитания детям не давали. Нагадываю, что дед говорил на идиш, но при мне этого не происходило никогда, изредка только проскальзывали отдельные фразы или словечки. Мама тоже на еврейские темы предпочитала не беседовать, языком предков она не владела, традиции не знала. Поэтому, когда я в 1990 году впервые попала в Израиль, для меня абсолютно все стало огромным и удивительным открытием.

Довольно рано дедушка, изначально обладавший большим творческим потенциалом, стал учеником в фотоателье Осипа Боретти в Минске. Там он получил первые навыки фотографирования. Он скрупулезно изучал живопись, осваивал приемы старых мастеров, путешествовал по всей России и разным странам, чтобы приобрести профессиональный опыт и найти свой собственный путь. Больше всего его интересовали душа человека, а также композиция и игра света. Ему нравилось снимать некрасивые лица, дедушка старался отразить на фото внутреннее состояние, сделать психологический портрет личности. Кстати, М.С. Наппельбаум экспериментировал и в кино, сотрудничал со студией А.И. Дранкова, одного из пионеров кинематографии, но разочаровался и вернулся к классической фотографии. Творческим исканиям и обретениям посвящена его книга «От мастерства к искусству», которую, кстати, редактировала моя тетька Ольга.

В 1895 году, уже после двухлетней поездки в Америку, дед открыл в Минске фотоателье, а когда почувствовал, что в родных местах его таланту стало тесновато, переехал в Петербург за новым вдохновением, вызвал туда и семью. Они поселились в просторной квартире на Невском, ставшей его павильоном и одновременно светским салоном, в котором побывали самые видные представители культуры и искусства Серебряного века: А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак, Н.С. Гумилев, С.А. Есенин, М.А. Кузмин, К.И. Чуковский, М.М. Зощенко... Моисей Наппельбаум всех фотографировал, что позволило сохранить для истории их облики. Дед был немного авантюристом по складу характера, не боялся экспериментов и крутых перемен. Петербург, в отличие от Америки, пришелся ему по душе, стал действительно родным городом.

До сих пор я нахожу что-то новое в его жизни и биографии. Относительно недавно стало известно то, о чем Моисей Наппельбаум предпочитал не распространяться в семье: он сделал немало фотопортретов Сталина, сейчас их можно увидеть в архивах, на отдельных выставках.

- Какая атмосфера царила в семье Наппельбаумов в Петербурге?

- У дедушки и бабушки было пятеро детей: четыре дочери и сын. Все очень образованные, интересные люди, но при этом очень разные. Моя мама Ида, очень эмоциональный, тонкий человек, в молодости по примеру отца увлеклась фотографией, участвовала в совместных с ним выставках. Вместе с сестрой Фредерикой занималась в поэтической студии «Звучащая раковина» у Николая Гумилева.

До 12 лет мама жила в Минске и у нее сохранились совершенно чудесные воспоминания о детстве. Мама рассказывала, что, несмотря на не слишком завидное материальное положение семьи Наппельбаумов, в их большом гостеприимном доме собирался цвет общества, жизнь была насыщенной и интеллектуальной. Все вместе отмечали праздники, читали стихи, в театральных костюмах ставили домашние спектакли. Моисей Наппельбаум обожал фотографировать дочерей.

Мамины сестры - поэтесса Фредерика Наппельбаум и автор интересных мемуаров, литературовед Ольга Наппельбаум (Грудцова), оставили свой неповторимый след в русской культуре. А вот Лиля (Рахиль) писала стихи, закончила Литературный институт, была членом Союза писателей, тем не менее, всю жизнь переживала, что у нее не было выраженных талантов, ее дневники, хранящиеся в РГАЛИ - это зеркало внутренней боли и печали. Лев Наппельбаум был одаренным архитектором. Так что атмосфера в семье с самого начала была очень творческой, полной интересного общения, встреч и событий.

- В своем рассказе Вы упомянули знаменитую книгу Моисея Наппель-

баума «От мастерства к искусству». Расскажите, пожалуйста, о ее необычной истории.

- Это удивительная книга, она содержит массу ценных воспоминаний и наблюдений. К сожалению, дед ее не увидел, она вышла вскоре после его смерти. Публикация совпала со временем трави Пастернака, а в издании было представлено немало исторических фотографий, включая портрет самого Бориса Леонидовича. Когда тираж уже был отпечатан, моему дяде Льву Наппельбауму пришлось заплатить солидный гонорар работникам типографии, чтобы из каждого экземпляра они срочно удалили страницы с фото Б.Л. Пастернака, а заодно - А.А. Ахматовой и С.М. Михоэлса. Всю ночь кипела работа, в которой принимал участие и сам Лев. Иначе шансов дойти до читателя у книги бы просто не было. Чтобы спасти книгу, сделали специальную вклейку, объясняющую, что в издании по техническим причинам нарушена нумерация иллюстраций. У меня дома хранятся оба варианта книги: полная версия и «сокращенная», с утраченными листами.

Ида Наппельбаум с дочерью Екатериной

- Откуда у вашей мамы появились интерес и любовь к поэзии?

- Мама рассказывала, что они с Фредерикой начали сочинять стихи довольно рано, еще в детстве. Сначала все казалось игрой, девочки просто придумывали рифмы. Потом стали писать свои стихотворения, видно, само время стимулировало к творчеству. Да и круг общения у Наппельбаумов был очень литературным, необычным, широким.

Через всю жизнь Ида Наппельбаум пронесла память о поэте, путешественнике, воине Николае Гумилеве, в студии которого она занималась. Все слушательницы были в него влюблены, в том числе красавица Ида, у которой, как говорили, были самые изящные руки в Петербурге, объект всеобщего восхищения. Николай Степанович был обаятельным, любвеобильным, успевал заигрывать со всеми. Особенно поэта вдохновляло общество молодых и симпатичных женщин. Гумилев считался признанным литературным мэтром и все относилось к нему с большим пиететом.

После ареста в 1921 году Гумилева по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации» В.Н. Таганцева его молодая наивная жена Анна Николаевна, в девичестве - Энгельгардт, боялась носить ему в тюрьму передачи, она попросила об этом одолжения маму. Мама выполняла просьбу Анны до того момента, пока у нее не перестали принимать посылки. А чуть позже они с Ниной Берберовой увидели на Литейном сликсы расстрелянных, среди которых значился Н.С. Гумилев. Конечно, у них был шок, невозможно было сразу поверить в реальность происходящего.

У мамы дома до 1937 года висел портрет Николая Степановича, который примерно за год до гибели Гумилева написала художница Шведе-Радлова. Уже после смерти поэта дедушка купил эту картину в подарок маме. Она висела у них с папой (известный литератор, блестящий переводчик Михаил Фроман) на Литейном, потом в квартире на Рубинштейна. В 1937 году поступили сигналы, что держать картину дома опасно. Ее разрезали на кусочки и сожгли в печке у родственников, на Черной речке. Мама эту сцену выдержать не могла, ей стало плохо, казалось, что в печке корчились живой человек. Но история на этом не закончилась, портрет продолжал ее преследовать. В 1951 году именно он стал причиной ареста мамы: по обвинению в его хранении и знакомстве с Н.С. Гумилевым она получила наказание в виде десяти лет лагерей.

Кстати, поздние портрет «воскрес», воссозданный в 1980-е годы художницей Ф.Л.Вяземской по чудом уцелевшей старой черно-белой фотографии и детальным маминим указаниям об оттенках цветов на картине, которую она помнила с абсолютной точностью.

- Ваша мама вспоминала «лагерный» период жизни, рассказывала Вам о нем?

- Маму забрали, когда я училась в девятом классе, это была страшная трагедия. Я была очень правильной и сразу пришла к секретарю комсомольской организации Галине Поздняковой доложить, что у меня арестовали маму. Она, девушка из интеллигентной семьи, выслушала, проявила мудрость и сказала: «Ты мне ничего не говорила, иди и учись дальше». За это я ей благодарна. Окончив школу, я поступила в Институт инженеров водного транспорта. В анкете я указала, что мама - литератор, ничего более. Проблем не возникло.

Ида Наппельбаум отбывала заключение в печально знаменитом Озерном исправительно-трудовом лагере для политзаключенных - Озерлаге, который входил в систему ГУЛАГа. За три с половиной года в Сибири мама пережила все, включая карцеры, больницу, работала водовозом, валила лес, едва не погибла от пули охранника, но, несмотря на все тяготы, не изменилась как личность, сохранила человечность, доброту. Занималась тюремным театром, самодеятельностью, продолжала сочинять стихи, которые не записывала, а запоминала. После возвращения она обо всем открыто и доверительно говорила со мной, общалась и встречалась с теми, кого знала по лагерям, а также оставила мемуары. В ее книге «Угол отражения» этому периоду посвящена целая глава.

На протяжении долгих лет мамини жизни к нам в дом постоянно приезжали из разных концов страны и мира люди, которые интересовались творчеством Гумилева и Серебряным веком русской культуры - она осталась одной из тех немногих, кто лично знал почти всех выдающихся поэтов и прозаиков, помнил многие подробности времени. Ида Наппельбаум была очень открытой, доверчивой, умела поддерживать беседу, поэтому притягивала к себе разных людей. Кстати, многие из маминих качеств унаследовала и я. Она часто выступала, рассказывала о довоенном времени, обо всем, чему была свидетелем. Сохранились литературные воспоминания мамы на магнитофонных пленках, в виде бесед, с которыми, возможно, еще предстоит поработать будущим исследователям.

Беседовала Наталья Лайдинен

«Шая Гиссер - «А он, мятежный, ищет бури»

(Отрывок из интервью)

Рассказывают, что ваш приход в еврейство - пример того, как человек, начиная свой путь к Торе, создает себе при этом тяжелые проблемы.

Тут есть определенный парадокс: с одной стороны, такое положение вещей характерно для всех баалей-тшува вообще и моего поколения в особенности, с другой стороны, я свою ситуацию стандартной никак не назову. Я не видел еще ни одного человека, который переходил бы из одного духовного состояния в другое без сопротивления как изнутри, так и извне. Я даже не вижу смысла это обсуждать - настолько очевидно, что это должно быть именно так. Другое дело - то, что это сопротивление может стать экстремальным, а порой принимать гротескные формы. Степень остроты - это индивидуально, но схема всегда одна и та же.

В моем случае все осложнялось тем, что свою тшуву я начал во второй половине семидесятых, в четырнадцать-пятнадцать лет; в то время я был единственным ребенком в городе, который ходил в школу в ермолке. Период позднего застоя. Противостояние системе и окружению в той ситуации было неизбежным!

Я представлю себе два варианта развития событий: эволюционирующий духовно человек, изначально знающий, на что он идет, - или получающий комплект неприятностей в виде сюрприза.

Вашими устами говорит юность! Совершенно не так! Ни один нормальный человек в процессе духовного роста никогда заранее не принимает в расчет и не просчитывает последствия своего поведения. Такое поведение неестественно.

«Еврейзация» - процесс эволюционный. Он может иметь весьма долгий «инкубационный период» и только тогда, когда еврейство получает уже внешние проявления: ношение бороды, соблюдение кошер или субботы, - вот тут-то человеку и объясняют, что его ждут неприятности. Но на этой стадии ему уже очень трудно остановиться: процесс уже зашел слишком далеко. Если бы он мог предвидеть на более ранних этапах тшувы, какие проблемы принесет ему изменение мировоззрения, он, может быть, попытался бы «спрыгнуть с поезда». На определенном этапе человек уже не сможет уйти; для того, чтобы он бросил еврейство, его нужно сломать.

А разве сопротивление окружения не ломает?! А власть, а ГБ - не достаточно?

Сломать можно любого! Если человека не сломали, это говорит лишь о том, что было приложено недостаточно усилий.

Для того чтобы сломать, во-первых, надо искренне хотеть этого; во-вторых, ломать нужно долго и, главное, последовательно; в-третьих, необходимо искать индивидуальный подход. Для одних самым страшным был КГБ, для других - слезы матери, для третьих - невозможность вкусно пожрать... Вопрос в том, что же воспринималось сильнее всего. Для меня, например, тюрьма не была самым большим испытанием, дома было гораздо больнее.

Те, кто пытался меня ломать профессионально, - подполковник Яков Григорьевич Касьян, старший лейтенант Моцегора и лейтенант Берестенко, мои следователи. Они были советскими чиновниками, их интересовала отчетность. Душу они в это не вкладывали, работали за зарплату, без вдохновения, без огонька, грубо, хамски.

А как формулировалась статья?

То есть, за что меня сажали? За хулиганство! А до этого мне вынесли предупреждение за «распространение заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Ведь не было статьи «за религиозную активность»!

Ведь не было статьи «за религиозную активность»!

Я искренне ненавидел советскую власть всю свою сознательную жизнь, но не орал об этом на всех углах! Я исповедовал и исповедую до сегодняшнего дня идею, что евреи должны сосуществовать с нееврейским миром, но не жить в нем. Вся Совдепия и «Волга с ее пароходами» меня совершенно не трогали. Меня интересовала своя, родная, узкая еврейская тема, благополучие моих евреев. Меня волновал тотальный распад еврейства, массовая ассимиляция, повальная безграмотность.

Этот подход - «сосуществую, но не живу» - ведь не с рождения так?

Не знаю. Что бы я ни сказал, это будет подгонкой под мое сегодняшнее мнение. Сколько я себя помню, я так считал.

Когда мне было девять лет, меня первый раз выгнали из синагоги за то, что я спрашивал у стариков, где я могу учиться еврейский язык. Они орали при этом: «Мальчик, если тебе нечего делать, иди играть в футбол!»

Давайте расставим точки над «i». Кажется маловероятным, чтоб человек прошел через ТАКИЕ трудности только благодаря непредусмотрительности, только потому, что «вовремя не соскочил!» Невозможно жить и воевать только лишь «от противного».

Действительно, в этом есть еще и колоссальное удовольствие. В принципе, любой юноша на этапах своего становления как личности воспринимает себя как сильного, как мужчину, воспитывает в себе силу воли, учится противостоять окружающим. Есть люди, которые идут по пути наименьшего сопротивления и реализуются чисто внешне, в том числе делая какую-то дурость и гордясь собой. Например, окрасив волосы в оранжевый цвет, и не потому, что бросают вызов окружающим, а потому, что самоутверждаются.

А есть те, кто самореализуется в духовном становлении. Это происходит реже, ибо требует затрат сил и определенных предпосылок, например, привычки к чтению книг, определенной заданности со стороны окружения и общественных норм.

Мне повезло, круг моего общения состоял из интеллектуалов; это был такой духовный кружок, в котором было совершенно естественным и даже культивировалось б-гоискательство. Семь-восемь пятнадцатилетних ребят, мы писали рефераты по Канту, по доказательству бытия Б-жьего, изучали Блаватскую и Бахават-гиту... Эта компания породила не только раввина. Например, мой друг детства, с которым мы поддерживаем отношения и по сей день - отец Александр Чумаков, он же брат Август, греко-католический иеродьякон, а Сережка Завалко - баптистский проповедник в Канаде.

Кроме благоприятной интеллектуальной среды была и внутренняя предрасположенность. Еврейство для меня было некоей данностью, реальностью, не нуждающейся в осмыслении и оправдании. Сочетание б-гоискательства с еврейской заданностью дало вполне конкретный результат.

На этом пути для такого как я не водрузить на голову ермолку означало бы предательство самого себя, отказ от идеалов. Гораздо проще было получать по голове, чем ощущать себя скотиной. Я бы сказал, что на определенном этапе взросления и в определенной среде это был единственно естественный путь нормально развивающегося подростка из хорошей еврейской семьи. А я был как раз нормально развивавшимся подростком.

<http://jewish.ru/ru/interviews/articles/10293/>

БОЙСЯ ТОЛЬКО Б-ГА И ТОГО, КТО НЕ БОИТСЯ ЕГО

Иуда Лазеров

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ГУРЕВИЧ Инну Еселевну
НИЗОВЦЕВУ Беллу Владимировну
ЛАНЦМАНА
Анатолия Самуиловича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Борщ холодный сладкий

400 г. свеклы, 400 г. картофеля, 120 г. 4-ст. сухофруктов, 4 чл. уксуса, 2 чл. соли, яйца, зеленый лук, 3,5 чл. сахара, сметана, перец

Промытые сухофрукты залейте холодной водой, добавьте сахар и сварили. Нашинкованную свеклу залейте горячей водой, добавьте к свекле уксус и соль и сварите до мягкости, добавьте к свекле сваренные сухофрукты (вместе с жидкостью), нарезанный кубиками картофель и варите 20 мин. Остудите. Разлейте суп по тарелкам и при подаче добавьте рубленые крутые яйца, зеленый лук и сметану

Приятного аппетита!

Еврейская община имеет честь
поздравить с Девяностолетием

ГУРЕВИЧ Инну Еселевну

пожелать здоровья, бодрости

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Наша кухня

Борщ холодный красный

400 г. свеклы, 600 г. картофеля, 1 луковица, 1,5 чл. сахара, 4 чл. уксуса, 2 чл. соли, огурцы, яйца, зеленый лук, сметана

Нашинкованную свеклу залейте горячей водой, добавьте соль и уксус и доведите до кипения; отлейте половину отвара в отдельную посуду, а в остальном доведите свеклу до готовности. Положите нарезанный кубиками лук, картофель и варите 20 мин. Охладите и влейте холодный отвар, который сделали раньше, положите сахар, разлейте по тарелкам борщ и при подаче в каждую тарелку добавьте огурцы, зеленый лук, рубленые крутые яйца и сметану.

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talif@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель
www.jc-ptz.ru

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой «Принт»
ул. Лизы Чайкиной, д.8
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 100 экз.